

Сафарова Д.Р.,

аспирант Института фольклора
Национальной Академии наук Азербайджана,
г. Баку, Азербайджан, e-mail: dseferova@qu.edu.az

СВОЕОБРАЗИЕ КОНТАМИНАЦИЙ В АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ СКАЗКАХ

В статье анализируются контаминации в азербайджанских сказках, подавляющее большинство которых записано в первой половине прошлого века, говорится об их своеобразности, роли в формировании репертуара сказителя. В статье подчеркивается, что построение на контаминации 43 процентов (70 текстов) из 164 сказок, привлеченных к анализу, сообщает о широком распространении в свое время сюжетных соединений в Азербайджане. Встречающиеся в азербайджанских сказках контаминации отличаются от других народов насыщенностью, многообразием и различным ассортиментом форм и методов. В результате вывода из жизни фольклорных меджлисов – собраний, начиная со второй половины века, наблюдается ослабление традиций сказочничества, параллельно этому уменьшение способов контаминации, методов создания сказок.

Ключевые слова: контаминация, Азербайджанские сказки, сюжет, сказитель, репертуар.

Safarova D.R.

Originality contamination in Azerbaijan fairy tales

In the article, the contamination in Azerbaijan fairy tales were analyzed which the vast majority were written in the first half of the last century and discussed about their identity, the role of narrator repertoire. The article emphasized that 43 percent of 164 fairy tales (70 text) which involved in the analysis based on contamination shows the wide spread of combination of plot in Azerbaijan. Contamination in Azerbaijan fairy tales differs from other nations with its form and method richness, diversity and pluralism. As a result of traditional folklore assembly being out of the way of life from the second half of the century weakening of narrator's tradition and it's observed reductions in tale creation methods and also in parallel with contamination methods.

Key words: contamination, Azerbaijan fairy tales, plot, narrator, repertoire

Сафарова Д.Р.

Әзербайжан ертегілеріндегі өзіндік алмасулар мен қоспалар

Мақалада әзербайжан ертегілеріндегі қоспалар мен алмасулар әр қырынан қарастырылады. Олардың көпшілігі өткен ғасырдың бірінші жартысында хатқа түсірілген болатын. Сонымен қатар қоспалар мен алмасулардың өзіне тән ерекшеліктері, ертегішінің репертуарын қалыптастырудағы рөлі де әңгімеленеді. Мақалада талдауға түскен 164 ертегінің 43 пайызы (70 мәтін) өзгеріске түскені атап көрсетілген, бұл Азербайжанда сюжеттік қоспалардың өз кезінде өте кең таралғанын көрсетеді. Азербайжан ертегілерінде ұшырасатын қоспалар мен алмасулар өзге халықтардың осы тектес шығармаларынан өзінің тартымдылығы, әр түрлілігі, формалары мен әдістерінің әр алуандығы жағынан айрықшалаанады. Фольклорлық жиындардың өмірден шығып қалуына байланысты ғасырдың екінші жартысынан бастап ертегішілер дәстүрі әлсірей бастағаны байқалады. Мұнымен қоса алмастыру, қоспа әдістері, ертегілерді жаңғырту амалдары да өз маңызын азайта бастады.

Түйін сөздер: алмасулар, Азербайжан ертегілері, сюжет, ертегіші, репертуар.

Детально рассматривая структуру сказок, мы становимся свидетелями использования сказителями различных методов для их расширения, придания событиям эпической широты, придания большей сложности сказке. Среди них самым широко распространенным является утроение какой-либо деятельности или ходов, структура сказок достаточно насыщена подобными утроениями. Например, герой, чтобы сломать заклетье, должен сбить стрелой птицу на самой высокой точке крепости. В действительности герой может сделать это уже с первой попытки, однако сказитель, для удержания слушателей в ожидании, придания сказке эпической широты доводит это до трех попыток. Герой, первая и вторая попытки которого были безуспешны, лишь с третьей попытки сумел сбить птицу. Или же герой для того, чтобы узнать место похищенной жены, просит помощи у зятя. Младший и средний зятья помочь ему в этом деле не могут, лишь старший и более возрастной зять указывает ему местонахождение жены. Не только деятельность и ходы, но и утраивание образов являются одним из факторов, служащих расширению структуры сказки. В сказках этого типа задания, которые не могут выполнить старшие братья, выполняют младшие братья. Например, в сказке «Меликмамед» братья, чтобы найти вора, по очереди сторожат яблоню. При первой, второй попытках старших братьев сморил сон, только на третьей попытке – во время бодрствования младшего брата – становится возможным выявить вора. Или же падишах поручает сыновьям принести предмет из места, которого не касалась нога его коня. Попытки старших братьев оказываются безуспешными, лишь младший брат смог принести этот предмет. Как видно, еще большее усложнение произведения за счет придания эпической широты событиям, дополнительных ходов и деятельности не является чуждым природе сказки явлением. Для этого сказитель пользуется различными методами и средствами, и контаминация одна из них.

Говоря о контаминации в фольклористике, подразумевается соединение в произведении двух или более сюжетов. Если контаминацию рассматривать лишь как явление, состоящее из сюжетных соединений, это не поможет понять его сущность. Контаминация не просто состоит из соединения сюжетов, а представляет собой явление, требующее от сказителя особого творчества, способностей. Для более ясного изложения соображения рассмотрим один пример. Напечатанная в пятитомном сборнике

«Азербайджанские сказки» [1] «Сказка Мелика Джамия» составлена из сюжетов «Страж на могиле» (530)¹ и «Жизнь дива находится в бутылке» (302). Сказка начинается ходами, присущими основному сюжету. *Находящийся при смерти отец завещает сыновьям три дня сторожить его могилу и выдать сестер за первых посватавшихся к ним людей. Младший брат выполняет завещание отца: убив желающих разрушить могилу его отца всадников, овладевает их конями и выдает сестер за посватавшихся к ним дервишей. Далее младший брат с помощью добытого коня, выполнив брачные задания, женится на падишахской дочери. Сказка продолжается кражей жены младшего брата и спасением жены с помощью своих зятей после убийства Учтук-косы (букв: трехволосый безбородый – прим. пер.).* Обретение младшим братом помощников, посредством выдачи замуж сестер за дервишей, на самом деле является деталью, присущей второму сюжету. Поскольку сказка была начата сюжетом под номером 530, в начале сказки они остаются несколько на заднем плане. Как только жена героя похищается Учтук-косой, так и эти помощники включаются в структуру сказки: герой спасает жену лишь с их помощью. Выведением этого хода в начало сказки, сказитель, согласно структуре сказки, переносит в начало сказки получение помощников, и добивается логической завершенности в сказке. Как видно, контаминация не просто состоит из сюжетного соединения, а представляет собой явление, требующее от сказителя творчества, таланта. Поэтому Н.М.Ведерникова представляет контаминацию явлением, присущим не каждому сказителю, а именно творчеству искусных сказителей [2, 161]. Новиков же пишет: «На объем сказок есть большое воздействие среды, в которой они живут (сюжетный запас сказителя, наличие свободного времени у него и у слушателей и пр.) и национальной поэтической традиции. ... для опытного сказителя удлинение и укорачивание сказки в зависимости от ситуации не является столь уж сложным делом [3, 24]. И действительно, сказители, недостаточно хорошо знающие сказочную кухню, структуру сказки, репертуар которых состоит лишь из нескольких сказок, это реализовать не могут. Контаминацию могут претворить в жизнь те сказители, которые обладают широким репертуаром, хорошо знают

¹ Сюжетная нумерация сказок дана на основе книги И.Рустамзаде «Сюжетный показатель азербайджанских сказок» (Баку: Наука и образование, 2013).

закономерности сказки, и склонны не к сохранению верности традиционному тексту, а к импровизированию. Это подтверждает и статистический анализ зафиксированных контаминаций. При детальном рассмотрении азербайджанских сказок становимся свидетелями наличия контаминаций в большинстве своем в репертуаре искусственных сказителей. Например, в пятитомном сборнике «Азербайджанские сказки» шесть из восьми сказок, записанных у жителя Гянджи Исафила Тагизаде, четыре из пяти сказок, записанных у жителя Гянджи Ибрагима Гафара, три из шести сказок, записанных у Мурада Гахрамана составлены из сюжетных соединений. Во втором томе этого сборника четыре из пяти записанных от жителя Али-Байрамлы (ныне Ширван) Самеда Самедова сказок построены на контаминации. Красота повествования, богатство средств их художественного изображения, составление более половины их репертуара из сюжетных соединений дает основание сказать о том, что эти сказочники были обладающими насыщенным репертуаром (в сборнике было по 4-5 сказок каждого из них) профессиональными сказителями.

Осуществленные над сюжетами работы сказителей при контаминации можно сравнить с работой каменщика. Как каменщик использует камень при кладке, обтесывая и приводя камень в нужную форму, так и сказитель относится к своему материалу в аналогичной форме. В зависимости от поставленной перед собой цели, требований основного сюжета, интереса аудитории кромсает сюжеты, нагружает их дополнительным смыслом, добавляет определенные детали, дает обоснования и пр. Если сказитель не выполнит эти работы, тогда мы столкнемся не с единым, а с неким составленным из различных, не имеющих друг с другом никакой связи, фрагментов многокомпозиционным произведением. Именно в результате этих операций появляется завершенное, единое произведение. При рассмотрении сюжетного состава азербайджанских сказок становится понятно, что контаминация широко распространилась именно в периоды могущества традиций сказочничества. Мысль Т.Г.Ивановой «контаминация как творческий метод характерна для периода, в котором сама сказка проживала свою активную жизнь» также подтверждает это [4, 246]. Весомость и качество, богатство методов контаминации зафиксированных в первой половине прошлого века материалов сообщают о существовании некогда в Азербайджане сильной традиции сказочничества.

Подтверждают это и сведения, представленные сказителями о знаменитых сказителях-сказочниках и фольклорных меджлисах-собраниях. Сохранившие свою активность до конца прошлого века фольклорные собрания – субботники-имаджи, вечера чилия, долгие зимние вечера, ашугские собрания-меджлисы были местами, где исполнялись и жили фольклорные тексты. На эти собрания приглашались самые лучшие сказочники, знатоки фольклора села, которые развлекали своими разговорами собравшихся, их провожали с определенными дарами и подарками хозяева домов. Эти собрания иногда затягивались до полуночи, разговоры бывали столь увлекательны, что участники даже не замечали наступления утра. Эти собрания, наряду с влиянием на формирование репертуара сказителей, становились причиной обновления репертуара сказителей, создания все новых сказок на основе контаминаций.

70 из привлеченных нами к анализу и записанных в первой половине прошлого века 164 сказок (что составляет 43 процента привлеченных к анализу сказок) построены на контаминации. Сам по себе этот факт показывает, насколько контаминация характерна для азербайджанской традиции сказочничества, насколько широко она была распространена. И поэтому встречающиеся в азербайджанских сказках контаминации отличаются от других народов богатством формы и методов, разнообразием. Начиная со второй половины века становимся свидетелями того, как эта традиция подвергается упадку, и параллельно этому ослабевают методы контаминации, методы создания сказок.

Сравнение контаминаций, зафиксированных у сказителей мужского и женского пола показывает, что сюжетные соединения более характерны для мужчин. Только 6 из привлеченных к анализу 70 контаминаций зафиксированы в женском репертуаре, остальные контаминации же присущи мужчинам. Одинаковое положение дел наблюдается не только в Азербайджане, но и у других народов, и этот факт нашел свое отражение в исследовании Т.Г.Ивановой, изучавшей сюжетные соединения в беломорских волшебных сказках [4, 246].

Обратив внимание на регионы, где зафиксированы сюжетные соединения, увидим, что соединения наиболее широко распространены в регионах, где сильны традиции сказочничества. Для того, чтобы стало ясно, обратимся к фактам. В пятитомном сборнике «Азербайджанские сказки» контаминации чаще всего встречаются

в сказках, собранных в Гяндже, Ширване, Нахчыване, Физули. Например, в 20 из 26 записанных в Гяндже сказок, в 6 из 14 записанных в Нахчыване зафиксирована контаминация. Число собранных в этих регионах сказок, обширность повествования, богатство художественно-стилистических средств сообщает в действительности о существовании некогда в этих регионах богатой традиции сказочничества.

При детализации сюжетного состава азербайджанских сказок становится понятно, что часто сюжеты одной группы соединяются между собой. Представление героев одинакового типа, обладание схожими композиционными особенностями создает для этого прекрасную почву, однако принимать это в качестве некоей закономерности нельзя. Так как достаточно широко распространена контаминация сюжетов, относящихся к различным группам. Р.П. Матвеева, рассматривая сюжетные соединения в сибирских сказках, приходит к выводу о том, что контаминация происходит между сюжетами, принадлежащими к одной группе, а контаминация между различными сказочными группами встречается крайне редко [5, 74]. Эти высказывания Р.П. Матвеевой применить в отношении репертуара азербайджанских сказок невозможно, поскольку у нас положение дел несколько иное. Из 70 контаминаций, привлеченных нами к анализу, только 46 произошли между сюжетами, принадлежащими к одной группе, остальные 24 воплотились между сюжетами, относящимися к различным группам. Можно также встретить контаминации между волшебными и новеллистическими сказками и сказками о животных, новеллистическими сказками и религиозными и сатирическими сказками, богатырскими сказками и волшебными сказками. Соединение воедино сюжетов, имеющих различную структуру, различный тип героев, превращение их в единый организм требует от сказителя особого мастерства. И поэтому подобные соединения чаще всего характерны для репертуара сказителей.

При написании статьи было детализировано 164 сказки и определено 187 сюжетов, присущих им. Из них только двадцать восемь не контаминируются, остальные же, соединяясь с различными сюжетами, участвуют в организации сказок. Многие сюжеты более склонны к соединению, иными словами легче вступают в контаминацию, и поэтому они часто встречаются в составе соединения. Вот эти сюжеты: «Джантиг» (318), «Неустрашимый герой» (326), «Подмена себя другим» (327А), «Девушка и дервиш» (337),

«Муж ищет потерявшуюся жену» (400), «Гюль и Санавар» (449) и др. Эти сюжеты в очень редких случаях выступают самостоятельно, часто соединяясь с другими сюжетами участвуют в организации определенных сказок. А множество таких сюжетов, как «Рана курдюка, страдания сына» (285D), «С неба падают волки» (558*), «Падишах и кузнец» (898*), «Деревянный конь» (575), «Лже-богатырь» (1640) вообще не вступают в контаминацию.

В азербайджанской сказочной традиции широко распространились преимущественно контаминации, состоящие из двух сюжетов, число которых превышает более половины существующих контаминаций. Например, из проанализированных 70 сюжетов 41 состоит из двух сюжетов, что составляет 58 процентов сказок, составленных на основе контаминации. Из трех сюжетов составлены тринадцать контаминаций, из четырех десять, пяти и более сюжетов – шесть контаминаций. Соединение пяти и более сюжетов характерно для сказок о животных и сатирических сказок, в других группах встречаются соединения, состоящие преимущественно из двух, трех и четырех сюжетов. Сказкой, в которой принимает участие наибольшее число сюжетов, является сказка «Плешивый и купец», составленная из восьми сюжетов. Число составляющих сказку сюжетов, естественно, зависит от мастерства, профессионализма сказителя. Насколько профессионален сказитель, насколько хорошо знает закономерности сказки, настолько большее количество сюжетов присоединить он имеет возможность. Вместе с тем, соединение семи-восьми и большего числа сюжетов не столь характерное явление для азербайджанской устной традиции, подобное встречается лишь в одной-двух сказках.

Сравнение существующих в Азербайджане типов контаминаций с сюжетными соединениями восточнославянских народов играет важную роль в создании более ясной картины, выявления сходств и отличий, определении национальной самобытности. В сравнительном сюжетном указателе (SUS) дана таблица наиболее используемых в восточнославянских сказках контаминаций. При сравнении сюжетных соединений в азербайджанских сказках с ними наблюдаем интересную картину. Из таблицы становится ясно, что у славянских народов наиболее контаминируется сюжет «Преградивший путь воде дракон» (300А). Согласно написанному Р.П. Матвеевой, у сибирских народов этот сюжет самостоятельно выступает в 15 текстах, в 51 тексте же вы-

ступает в пределах контаминации. И чаще всего контаминируется с сюжетами «Три похищенные принцессы» (301), «Окаменевший брат» (303) и «Джантиг» (318). В азербайджанском сказочном репертуаре сталкиваемся примерно с такой же картиной. У сюжета «Преградивший путь воде дракон» зафиксировано до сего дня 24 варианта, из которых лишь в одном выступает самостоятельно, в других же вариантах контаминируется с различными сюжетами. В 12 сказках сконтаминировался с сюжетом «Три похищенные принцессы» (301), в 2 сказках с сюжетом «Окаменевший брат» (303), в трех сказках с сюжетом «Джантиг» (318). В отличие от восточнославянских народов, у нас встречается соединение этого сюжета с сюжетами «Мать, объединившись с дивом, хочет убить сына» (590), «Щедрость от богатства, или от человечества» (750В).

В общем, из привлеченных к анализу 70 контаминаций лишь 34 имеют аналоги в каталоге SUS. И подавляющее большинство из них представляют собой интернациональные контаминации. Например, сюжетные соединения под номерами 303+300, 402+400, 531+327В, 538*+532, 1380+1725, 1384+1540 широко распространены и у восточных славян, и в Азербайджане. В то время, как подобные контаминации у восточных славян широко распространены, у нас встречается лишь несколько текстов. Например, популярные у восточнославянских народов сюжетные соединения под номерами 302+555, 532+327В, 1384+1540 в Азербайджане встречаются лишь в одном тексте. В то время, как сюжетные соединения «Подмена себя другим» (327В) и «Чатчы» (328) широко распространены у украинцев и белорусов, в Азербайджане зафиксированы лишь в одном тексте. Контаминации, характерные для одного народа, для другого народа могут не быть характерными. Например, широко распространенные у восточнославянских народов сюжетные соединения 301+312D, 328+531, 432+400, 706+707 в Азербайджане не встречаются. Также, широко распространенные в устной азербайджанской традиции сюжетные соединения 400+936, 465С+513А, 465С+554, 485+936, 514+410*, 559+653А+661*, 976А+925**+925*** у восточнославянских народов мы не встречаем. В целом, лишь 17 из 90 сюжетных соединений, характерных для восточнославянских народов имеют аналоги в азербайджанских сказках.

По сравнению с восточнославянскими народами в Азербайджане у многих сюжетов возможности соединения более широки, они могут войти в контаминацию с большим числом сюже-

тов. Например, сюжет «Испытание невест» (402) у восточнославянских народов контаминируется преимущественно с сюжетом «Муж ищет потерявшуюся жену» (400), а в Азербайджане контаминируется с сюжетами «Принесение вести с того света» (465С), «Похищение животными девушек» (546*), «Золотая гора» (936).

Сюжет «Жизнь дива в голубе» (302) у восточных славян вступают в контаминацию с сюжетом «Добрые животные» (554), а в Азербайджане – преимущественно с сюжетом «Страж на могиле» (TR 530). У восточных славян сюжет «Муж ищет потерявшуюся жену» (400) контаминируется с сюжетами номер 402, 432, 440, в Азербайджане – преимущественно с номерами 402, 936. Сюжет «Хромая газель» (450) у восточных славян контаминируется с сюжетом 403, а в Азербайджане – с сюжетами номер 480, 520. Сюжет «Шесть необычных товарищей» (513А) у восточных славян контаминируются с сюжетами номер 300А, 302, в Азербайджане же с сюжетами номер 465С, 465Е*, 531А*. Сюжет «Страж на могиле» (530) у восточнославянских народов контаминируется с сюжетами «Испытание зятей» (538*), «Молчаливая девушка» (559), а в Азербайджане контаминируется с сюжетами под номерами 302, 302В*, 312D.

Некоторые сюжеты у восточнославянских народов не контаминируются, но в Азербайджане могут соединяться с различными сюжетами. Например, сюжет «Охотник» (305) у восточнославянских народов в соединении не встречается, но в Азербайджане часто вступает в контаминацию с различными сюжетами.

Поскольку 60 процентов азербайджанского сказочного репертуара состоит из международных сюжетов, число международных контаминаций также достаточно велико. Международными контаминациями считаются те соединения, которые составлены из «бродячих сюжетов». Международные контаминации нашли себе сильную почву в устной традиции, настолько широко распространились, что порой их число составляет более половины зафиксированных вариантов. Например, до сего дня известно 24 варианта сюжета «Преградивший путь воде дракон» (300), из них 14 встречается в контаминации с сюжетом «Три похищенные принцессы» (301). Сюжетное соединение «Испытание невесток» (402) и «Жена ищет потерянного мужа» (400) встречается в 6 сказках, сюжетное соединение «Мачеха с падчерицей» (480) и «Прекрасная Фатима» (510А) в 8 сказках, сюжетное соединение «Птица счастья» (567) и «3 волшеб-

ных предмета и необыкновенный фрукт» (566) в 4 сказках, сюжетное соединение «Наставник и ученик» (950) и «Вор в облики Азраила-ангела смерти» (1525 G) в 10 сказках. В общем, в азербайджанских сказках мы классифицировали двадцать восемь типов международных контаминаций. Международные контаминации в устной традиции еще больше развились, обогатились за счет дополнительных сюжетов. Примеры международных контаминаций «Три похищенные принцессы» (301A) и «Преградивший путь воде дракон» (300), «Испытание невест» (402) и «Жена ищет потерянного мужа» (402) в Азербайджане, соединившись с сюжетами «Жеребец Гасан» (2502*В) и «Гюль и Санавар» (449) соответственно, еще больше расширили цепь контаминаций.

Хотя контаминации и были созданы определенными мастерами-сказителями, впоследствии были освоены другими исполнителями и, передаваясь из поколения в поколение, становились традицией. Такие примеры, как «Преградивший путь воде дракон» (300) и «Три похищенные принцессы» (301), «Неразговорчивая девушка» (559), «Столяр, плотник и портной» (661*), «Самый ценный подарок» (653A) и «Спор за амулет» (1406), «Договор о гневе» (1000), «Побег от слуги» (1132), «Хозяин хочет бросить плешивого в воду» (1120) и «Безумный брат купает мать» (1013), «Трусливый Ахмед» (1060) и «Попыка убийства мельничным жерновом» (1115), «Рамазан» (1541) и «Пришелец с того света» (1540), «Смена пола» (514) и «Окаменевший город» (410*), «Страж на могиле» (530) и «Жизнь дива в коне» (302В*) представляют собой самые широко распространенные в устной традиции контаминации. Нельзя забывать, что лишь часть творческих контаминаций становится традиционной, большая их часть ограничивается репертуаром одного сказителя и варианты их не наблюдаются. Их нераспространение в устной традиции вытекает из чрезвычайной сложности методов контаминации, известности методов очень малому числу сказителей, использования малораспространенных, редких сюжетов во время контаминаций. Например, записанная у жителя Джабраила Аббаса Аббасова сказка «Искандер» повествует о путешествии героя на север,

юг, восток и запад, и интересных происшествий происходящих с ним каждый раз [6, 145]. Включением в структуру сказки отличающегося сюжета во время каждой поездки сказитель создал интересную сказку из пяти сюжетов. Отличающийся необычайностью и своеобразностью этот метод контаминации присущ лишь репертуару Аббаса Аббасова, в других сказках подобное не встречается.

Часть не ставших традиционными контаминаций в устную традицию вошла посредством «Тысячи и одной ночи». Эти контаминации книжного происхождения в устной традиции широко распространиться не могут, ограничиваются репертуаром лишь одного-двух сказителей. Например, сказка «Сапожник Магомед» составлен из сюжетов «Фальшивый купец» (864*) и «Найденный на пашне перстень» (560*). Основываясь на созвучии большинства мотивов друг с другом, имен персонажей, речи и выражений образов, присущих арабскому быту черт И. Рустамзаде пришел к выводу о генезисе этой сказки из «Тысячи и одной ночи». Вошедшие в традицию посредством книг подобного типа сказки, как выразился и исследователь, в устной традиции широко распространиться не могут, становятся характерными для репертуара какого-либо сказителя [7, 63]. Известны два варианта сказки, напечатанные в пятитомнике «Азербайджанские сказки» и в двухтомном сборнике Ахлимана Ахундова «Азербайджанские сказки». И в обоих вариантах сказка, соответственно оригиналу, контаминировались в количестве сюжетов 864*+560*А. Кроме этого, и сюжетные соединения «Продавец драгоценных камней Салим» (485), «Золотая гора» (936) и «Муж ищет потерявшуюся жену» (400), «Драгоценный камень между золотых волос» (581*) и «Саттар и Улькер» (526****) представляют собой контаминации, вошедшие в эпический оборот посредством «Тысячи и одной ночи».

Таким образом, анализ сюжетных соединений дает основание сказать об отображении контаминаций в качестве творческого явления в репертуаре мастеров-сказителей. Азербайджанская традиция сказочничества, которая выделяется богатством и разнообразием методов контаминации, развилась, сформировавшись на репертуаре этих самых мастеров-сказителей.

Литература

- 1 Азербайджанские сказки. В 5-ти томах. – Т. 1-5. – Баку: Восток-Запад, 2005. (на азерб. языке)
- 2 Ведерникова Н.М. Контаминация как творческий прием в волшебной сказке / Русский фольклор. – Т. 13. – М., 1972. – С. 160-165.
- 3 Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. – Л: Наука, 1974. –254 с.
- 4 Иванова Т.Г. К вопросу о контаминации в волшебной сказке (на материале беломорских сказок) / Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. – Л., 1981. – С. 233-247.
- 5 Матвеева Р.П. Контаминация как творческий процесс в Сибирском сказительстве (на материале волшебных сказок) / Русский фольклор Сибири. Элементы архитектоники: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 73-93.
- 6 Карабах: фольклор тоже история / Сбор и составление, автор сюжетного указателя И. Рустамзаде. – Баку: Зардаби, 2014. – 401 с. (на азерб. языке)
- 7 Рустамзаде И. Сюжетный указатель азербайджанских сказок. – Баку: Наука и образование, 2013. – 368 с. (на азерб. языке)

References

- 1 Azerbajdzhanskije skazki. V 5-ti tomah. – T. 1-5. – Baku: Vostok-Zapad, 2005. (na azerb. yazyke)
- 2 Vedernikova N.M. Kontaminacija kak tvorcheskij priem v volshebnoj skazke / Russkij fol'klor. – T. 13. – M., 1972. – S. 160-165.
- 3 Novikov N.V. Obrazy vostochnoslavjanskoj volshebnoj skazki. – L: Nauka, 1974. –254 s.
- 4 Ivanova T.G. K voprosu o kontaminacii v volshebnoj skazke (na materiale belo-morskih skazok) / Russkij Sever: Problemy etnografii i fol'klora. – L., 1981. – S. 233-247.
- 5 Matveeva R.P. Kontaminacija kak tvorcheskij process v Sibirskom skazitel'stve (na materiale volshebnyh skazok) / Russkij fol'klor Sibiri. EHlementy arhitektoniki: Sb. nauch. tr. – Novosibirsk: Nauka, 1990. – S. 73-93.
- 6 Karabah: fol'klor tozhe istoriya / Sbor i sostavlenie, avtor syuzhetnogo ukazatelya I. Rustamzade. – Baku: Zardabi, 2014. – 401 s. (na azerb. yazyke)
- 7 Rustamzade I. Syuzhetnyj ukazatel' azerbajdzhanskih skazok. – Baku: Nauka i obrazovanie, 2013. – 368 s. (na azerb. yazyke)